

Маленькая хроника (с. 10-11)

«—Въ Сибири, на сколько намъ известно, не появлялось еще ни Пушкинских, ни Лермонтовых, ни Некрасовых, ни даже Надсоновъ; но это еще не значитъ, что они никогда и не появлялись... (Отъ чего бы желающимъ не попытаться счастья, не попробовать свои силы... Всѣ вакансии открыты и ждутъ достойныхъ замѣстителей...)

Къ тому же жизнь въ Сибири часто бываетъ довольно непривлекательна и порой какъ будто не имѣетъ особеннаго смысла... (Отчего бы поэтамъ художникамъ не попытаться скрасить эту жизнь и смыслить?...)

Мы всегда готовы приветствовать всякую попытку въ этомъ направлении, и труды и попытки поэтовъ достойны, по нашему мнѣнію, не меньшаго вниманія, чѣмъ и все прочее.

Переходя отъ общаго къ частному, мы должны сказать нѣсколько словъ о «Стихотвореніяхъ» г. Цейнера. Г. Цейнеръ еще молодой поэтъ, начинавшій печатать свои стихотворенія въ концѣ 80-хъ годовъ на страницахъ «Сибирскаго Вѣстника», затѣмъ его небольшіе стихотворенія появлялись и въ другихъ сибирскихъ газетахъ.

Въ послѣднее время авторъ предпринялъ изданіе 40 изъ своихъ стихотвореній и 3-хъ небольшихъ «элегій въ прозѣ» отдѣльной книгой. По внѣшнему виду это очень изящное изданіе, могущее служить удачнымъ типографскою работы въ Сибири.

Большинство стихотвореній г. Цейнера написано на чисто сибирскіе мотивы: они даютъ или картины сибирской природы (стихотворенія: «Буря», «Ночь», «Хандра» и др.), или изображенія сибирскаго быта («Арестантская партія», «Переселенцы», «Грезы узника», «Пѣсня обозныхъ ямщиковъ» и проч.), или характеристики сибирскихъ типовъ («Сибирячка», «Сибирякъ») или, наконецъ, представляютъ разработку сибирскихъ историческихъ слогановъ («Ермакъ Тимофеевичъ», «Кучумъ» и др.).

Стихотворенія г. Цейнера, скорѣй всего, могутъ быть отнесены къ разряду лирическихъ. Нѣкоторые изъ этихъ стихотвореній вышли у г. Цейнера весьма удачными по звучности и плавности стиха, по образности и изяществу оборотовъ. Таковы стихотворенія: «Сонъ», «Тамъ гдѣ ярко горитъ золотая луна», «У мачты» и нѣкоторыя другія.

Воззрѣнія автора на природу, людей и явленія, хотя и не представляются окончательно сформировавшимися и установившимися, но въ общемъ симпатичны по своей гуманности, честности и искренности.

Съ тѣмъ или другимъ отдѣльнымъ воззрѣніемъ автора, конечно, много можетъ быть, и не согласится. Для примѣра возьмемъ хотя первое стихотвореніе сборника: «Сибирячка», посвященное А. И. Чехову. Четыре года тому назадъ Чеховъ проѣзжалъ по Сибири и въ одномъ изъ своихъ «Писемъ изъ Сибири» въ «Новое Время» довольно незастенчиво отзывался о сибирскихъ женщинахъ; между прочимъ, онъ писалъ:

«Женщина въ Сибири такъ—же скучна, какъ и сибирская природа: она не колоритна, холодна, не умѣетъ одѣваться, не поетъ, не смѣется, не милостива... Когда въ Сибири народятся свои собственные романисты и поэты, то въ ихъ поэмахъ и романахъ женщина не будетъ героиней; она не будетъ вдохновлять, возбуждать къ высокой дѣятельности, спасать, идти на край свѣта... и т. д.

Измѣна за этого отзыва г. Чехова поднялась тогда ожесточенная война, въ которой нѣсколько Сибирскихъ газетъ переругались, какъ между собой, такъ и съ нѣкоторыми столичными изданіями. Въ это же время появилось и упомянутое стихотвореніе г. Цейнера, изъ котораго любовь сибирячки характеризуетъ, между прочимъ, слѣдующими строками:

«Книжки, какъ Чеховъ. Подъ сибирскими именами Чеховъ замѣчаетъ: «Въ Сибири, какъ въ Сибиріи, много хорошаго, много хорошаго, много хорошаго...»

«Она любви волшебнымъ свѣтомъ
Счастливица дивно озаритъ
И страстнымъ, пламеннымъ приѣтомъ
Его всевластно покоритъ.
Она присушитъ, приворожитъ,
Она заставитъ полюбить,
И ужъ никто, никто не сможетъ
Огня любви той погасить...»

Много тогда говорилось и писалось о сибирскихъ женщинахъ, но вопросъ и до сего времени можетъ считаться открытымъ.. Покравитъ нѣрѣ, когда мы прочитали вышеприведенный отрывокъ стихотворенія одному изъ своихъ знакомыхъ, то онъ отъ негодованія даже прискочилъ и, ступнувъ кулакомъ по столу, воскликнулъ:

— «Да развѣ это что—нибудь доказываетъ? Да развѣ это опровергаетъ хоть сколько—нибудь характеристику, сдѣланную г. Чеховымъ?!... «Присушить, приворожить»—это очень можетъ быть... Да толкъ-то изъ этого какой будетъ?... Любовь къ истинно—культурной русской, европейской женщинѣ возвышаетъ, облагораживаетъ, вдохновляетъ... А что дѣлаетъ съ вами любовь къ сибирячкѣ?...

— Можетъ быть и любовь къ сибирячкѣ въ состояніи сдѣлать тоже самое,—пытались мы возразить своему оппоненту.

— Никогда! увѣрю васъ никогда! Любовь къ сибирячкѣ можетъ только уподобить васъ тому глупому волку, который въ известной сказкѣ, по коварному совѣту лисицы, съ намереніемъ поймать рыбу, засѣлъ на ночь около проруби, опустивши хвостъ въ воду... Волкъ былъ такъ же глупъ, какъ и влюбленный въ сибирячку. Цѣлую ночь напролетъ присидѣлъ онъ безъ толку у проруби: было холодно, темно, скучно... Когда же предъ разсвѣтомъ онъ догадался о томъ, что все это, кромѣ того, еще—глупо и когда рѣшилъ покинуть съ такимъ времяпрепровожденіемъ, то, къ ужасу своему, вдругъ увидѣлъ, что не можетъ этого сдѣлать безъ болѣзненной, кровавой надъ собой операциі, ибо хвостъ уже примерзъ и не позволялъ двигаться... Вотъ вамъ—любовь къ сибирячкѣ и положеніе влюбленнаго!»—закончилъ нашъ ораторъ.

Мы, конечно, съ удивленіемъ слушали своего противника и съ любопытствомъ стали осматривать его когда, въ волненіи шагая по комнатѣ, онъ повернулся къ намъ спиной... Мы можемъ засвидѣтельствовать, что у собесѣдника нашего хвоста не было...

При извѣстныхъ условіяхъ очень трудно быть безпристрастнымъ судьей, подобно тому, какъ трудно г. Панову беспристрастно судить о «порядкахъ на Уссурийской желѣзной дорогѣ». Здѣсь также, какъ и въ сужденіи о женщинахъ, чувство дѣйствуетъ на перекоръ разсудку...

Передовица въ послѣднемъ 31 № «Дальняго Востока» подъ заглавіемъ «Желѣзнодорожные порядки» писана г. Пановымъ подъ вліяніемъ давно уже известнаго читателямъ «чувства», безъ обремененія разсудка и потому получается въ ней слѣдующее:

13-го марта солдатикъ, Антонъ Соберай, порѣшилъ покончить съ жизнью, подошелъ къ полотну дороги въ трехъ шагахъ отъ идущаго на вѣсъ порохъ поѣзда и положилъ голову на рельсы... Паровозъ, оторвавъ голову отъ туловища...

Въ этомъ печальномъ событіи виновато Управленіе Уссурийской желѣзной дороги, ибо не поставило на полотнѣ желѣзной дороги сторожа...

11-го марта желѣзнодорожный сторожъ Богомоловъ, нахватавшись на полотнѣ дороги и споняя съ него публику, самъ не поостерегся и попалъ подъ колеса паровоза...

И въ этомъ несчастіи опять виновато Управленіе дороги, ибо не поставило на полотнѣ желѣзной дороги сторожа...

Это—ясно.